

Но и Христось, а за Нимъ и апостоль понимаютъ это безбрачіе исключительно, какъ особый даръ. Не безразсудно ли, въ самомъ дѣлѣ, стремиться, наприм., сдѣлаться художникомъ, не обладая способностью въ этомъ искусствѣ? Не безразсудно ли также ставить своимъ идеаломъ безбрачіе, когда для достиженія его нужны особо дарованныя силы? А есть эти силы въ человѣкѣ, онѣ скажутся. Онѣ заявятъ о себѣ и въ томъ случаѣ, если онѣ будетъ ставить назначеніемъ своей жизни бракъ, семью. Слѣдовательно, и съ этой стороны нѣтъ надобности измѣнять общій законъ брака.

По отношенію къ вопросу о бракѣ и безбрачіи гр. Толстой лично высказывается такъ.

„Достиженіе цѣли соединенія въ бракѣ или внѣ брака съ предметомъ любви, какъ бы оно ни было опоэтизировано, есть цѣль недостойная человѣка, также какъ недостойна человѣка, представляющаяся многимъ людямъ высшимъ благомъ, цѣль пріобрѣтенія себѣ сладкой и изобильной пищи.

„Цѣль достойная человѣка — служеніе ли человѣчеству, отечеству, наукѣ, искусству ли (не говоря уже о служеніи Богу), какая бы она ни была, если только мы считаемъ ее достойною человѣка, не достигается посредствомъ соединенія съ предметомъ любви въ бракѣ или внѣ его, а напротивъ влюбленіе и соединеніе съ предметомъ любви (какъ бы ни старались доказывать противное въ стихахъ и прозѣ) никогда не облегчаетъ достиженія достойной человѣка цѣли, но всегда затрудняетъ его“. (стр. 374 въ 13 ч.).

„Идеаль Христіаніана есть любовь къ Богу и ближнему, есть отреченіе отъ себя для служенія Богу и ближнему; плотская же любовь, бракъ есть служеніе себѣ и потому есть, во всякомъ случаѣ, препятствіе служенію Богу и людямъ, и потому—съ христіанской точки зрѣнія—паденіе, грѣхъ.

„Вступленіе въ бракъ не можетъ содѣйствовать служенію Богу и людямъ даже въ томъ случаѣ, еслибы вступающіе въ бракъ имѣли цѣлю продолженіе рода человѣческаго. Такимъ людямъ вмѣсто того, чтобы вступать въ бракъ для произведенія дѣтскихъ жизней, гораздо проще поддерживать и спасать тѣ миллионы дѣт-